

Теккерей Уильям Мейкпис

**Приключения Филиппа в его
странствованиях по свету**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
У36

У36 **Уильям Мейкпис Т.**
Приключения Филиппа в его странствованиях по свету / Теккерей Уильям
Мейкпис – М.: Книга по Требованию, 2022. – 548 с.

ISBN 978-5-519-76435-3

ISBN 978-5-519-76435-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

ДОКТОРЪ ФЕЛЛЬ.

— Не ухаживать за роднымъ сыномъ, когда онъ боленъ! сказала моя мать. — Она не заслуживаетъ имѣть сына!

И проианося это исполненное негодованія восклицаніе, мистриссъ Пенденнисъ взглянула на своего собственнаго и единственнаго любимца. Когда она взглянула на меня, я зналъ, что происходило въ ея душѣ. Она няичила меня, одѣвала въ длинныя платьица и въ маленькіе чепчики, въ первую курточку и въ панталопчики. Она не отходила отъ моей постели во время моихъ дѣтскихъ и юношескихъ болѣзней. Она берегла меня всю жизнь; она прижимала меня къ сердцу съ безконечными молитвами и благословеніями. Её уже нѣтъ съ нами благословлять насъ и молиться; но съ небесъ, куда она переселилась, я знаю, что ея любовь слѣдитъ за мною, и часто-часто думаю, что она и теперь вдѣсь, только невидимо.

— Мистриссъ Фирминъ не принесла бы никакой пользы, заворчалъ докторъ Гуденофъ. — Съ ней сдѣлалась бы истерика и сидѣлѣтъ пришлось бы ухаживать за двумя больными вмѣсто одного.

— Ужь не говорите этого *миль*! вскричала моя мать, вспыхнувъ. — Не-уже-ли вы думаете, что если бы этотъ ребѣнокъ (разумѣется, она говорила о своемъ ненаглядномъ) былъ боленъ, я не пошла бы къ нему?

— Милая моя, если бы этотъ ребёнокъ былъ голоденъ, вы изрубили бы вашу голову, чтобы сдѣлать ему бульонъ, сказала докторъ, прихлёбывая чай.

— Potage à la boppe femme, сказалъ мистеръ Пенденнисъ. — Матушка, у насъ бываетъ онъ въ клубѣ: васъ сварили бы съ молокомъ, яйцами и овощами. Васъ поставили бы кипѣть на вѣсколько часовъ въ глиняномъ горшкѣ и...

— Не говорите такихъ ужасовъ, Эртѣръ! вскричала одна молодая дѣвица, бывшая собесѣдницей моей матери въ тѣ счастливые дни.

— И людямъ, которые всё знали, вы очень показались бы вкусны.

Дядя мой поглядѣлъ такъ, какъ-будто не понялъ этой аллегоріи.

— О чомъ вы говорите? potage à la... какъ это называется? сказалъ онъ. — Я думалъ, что мы говоримъ о мистриссъ Фирминъ, что живётъ въ старой Паррской улицѣ. Мистриссъ Фирминъ чертовски деликатная женщина, какъ всѣ женщины этой фамиліи. Мать ея умерла рано, сестра, мистриссъ Туисденъ, очень деликатна; она можетъ быть столько же полезна въ комнатѣ больного, сколько можетъ быть полезенъ быкъ въ фарфоровой лавѣ — ей-богу! да еще она, пожалуй, заравится.

— Да вѣдь и вы, пожалуй, заразитесь, маіоръ! закричалъ докторъ. — Вѣдь вы говорили со мною, а я только-что отъ мальчика. Держитесь подальше, а то я васъ укушу.

Старый джентльменъ немножко отодвинулъ свой стулъ.

— Ей-богу этимъ нечего шутить, сказалъ онъ: — я знаю людей, заразившихся горячкой въ лѣта постарѣе моихъ. По крайней-мѣрѣ этотъ мальчикъ не сынъ мнѣ, ей-богу! Я объдаю у Фирмина, который взялъ жену изъ хорошей фамиліи, хотя онъ только докторъ и ..

— А позвольте спросить, кто былъ мой мужъ? вскричала мистриссъ Пенденнисъ.

— Только докторъ, право, подхватилъ Гуденовъ. — Мнѣ очень хочется сію же минуту заразить его скарлатиной.

— Отецъ мой былъ докторъ и аптекаръ, такъ я слышалъ, сказавъ сынъ вдовы.

— Ну такъ что жъ изъ этого? хотѣлось бы мнѣ вѣдать... развѣ человѣкъ одной изъ самыхъ древнихъ фамилій въ королевствѣ не имѣетъ права занимать учоную, полезную, благородную профессію. Братъ мой Джонъ былъ...

— Докторъ! сказалъ я со вздохомъ.

Дядя мой поправилъ свои волосы, поднялъ носовой платокъ къ губамъ и сказалъ:

— Вадоръ! пустяки. Терпѣніе потерлешь съ этими личностями, ей-богу. Фирминъ, конечно, докторъ, также какъ и вы, также какъ и другіе, но Фирминъ воспитанный университета и дворянства. Фирминъ путешествовалъ. Фирминъ друженъ съ лучшими людьми въ Англіи и взялъ женою изъ царѣйшей фамиліи. Ей-богу, сэръ, не-уже-ли вы предполагаете, что женщина, воспитанная въ роскоши, въ Рингундскомъ отелѣ, на Уальпольской улицѣ, гдѣ она была самовластной госпожою, ей-богу, не-уже-ли вы предполагаете, что такая женщина годится въ сидѣлки къ больному? Она никогда не годилась для атого и ни для чего, кромѣ... (тутъ майоръ увидалъ улыбки на физиономіяхъ нѣкоторыхъ изъ слухателей) кромѣ, я говорю, того, чтобы занимать первое мѣсто въ Рингундскомъ отелѣ и украшать общество и тому подобное. И если такая женщина задумала убивать съ докторомъ своего дяди и выйти за человѣка ниже ея званіемъ—ну, я не вижу, чтобы ато было смѣшно, будь я повѣшенъ, если вижу!

— Итакъ она остаётся себѣ на островѣ Уайтѣ, между-тѣмъ какъ бѣдный мальчикъ въ школѣ! сказала со вздохомъ моя мать.

— Фирминъ долженъ тамъ оставаться. Онъ лечитъ Великаго Герцога: тотъ не можетъ быть спокоенъ безъ Фирмина. Онъ далъ ему орденъ Лебеда. Они ворячаютъ всѣмъ въ высшемъ свѣтѣ, и я готовъ держать съ вами пари, Гуденовъ, что мальчикъ, котораго вы лечите, будетъ барометромъ, если вы не уморите его вашими проклятыми микстурами и пилюлями, ей-богу!

Докторъ Гуденовъ только нахмурилъ свои большія брови.

Дядя мой продолжалъ:

— Я знаю, что вы хотите сказать: Фирминъ настоящій джентльменъ по наружности — красавецъ. Я помню его отца, Бранда Фирмина, въ Валенсеннѣ съ герцогомъ Йоркскимъ. Брандъ былъ одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ Европѣ; его прозвали Головнѣй: онъ былъ рыжій, страстный дуалистъ, застрѣлилъ одного ирландца, остепенился потомъ и всё-таки поссорился съ своимъ сыномъ, который чертовски кутилъ въ молодости. У Фирмина, конечно, наружность джентльменовская: черные волосы: отецъ былъ рыжій. Тѣмъ лучше для доктора; но... но мы понимаемъ другъ друга, я думаю, Гуденовъ, намъ съ вами приходилось видѣть разныя равености въ нашей жизни.

Старикъ подмигнулъ и понюхалъ табакъ.

— Когда вы возили меня къ Фирмину въ Паррскую улицу, сказалъ мистеръ Пенденнисъ своему дядѣ:—я нахолю, что домъ не очень веселъ, а хозяйка не очень умна; но всё они были чрезвычайно добры; и мальчика я очень люблю.

— Его любить и дядя его матери, лордъ Рингудъ! вскричалъ майоръ Пенденнисъ.—Этотъ мальчикъ примирилъ свою мать съ ея дядей послѣ ея замужства. Вы вѣрно знаете, что она убѣждала съ Фирминомъ, моя милая?

Матушка сказала, «она слышала что-то объ этой исторіи». И майоръ опять увѣрилъ, что докторъ Фирминъ былъ сумасбродный молодой человекъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ то время, о которомъ я пишу, онъ былъ врачомъ въ Плеторическомъ госпиталѣ, докторомъ Гранингенскаго Великаго Герцога и имѣлъ орденъ Чорнаго Лебеда, былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, мужемъ богатой жены и довольно значительной особой.

Что же касается его сына, такъ-какъ ния его врасуется во главѣ этихъ страницъ, то вы можете догадаться, что онъ не умеръ отъ болѣзни, о которой мы сейчасъ говорили; за нимъ ухаживала хорошая сидѣлка, хотя мать его была въ деревнѣ, хотя отецъ его былъ въ отсутствіи, но пригласили очень искуснаго доктора лечить юнаго больного и сохранить его жизнь для пользы его фамиліи и для этого разсказа.

Мы продолжали нашъ разговоръ о Филиппѣ Фирминѣ, его отцѣ, его дядѣ графѣ, котораго майоръ Пенденнисъ зналъ ко-

ротко, пока не доложили, что подана карета доктора Гуденофа; и нашъ добрый докторъ оставилъ насъ и воротился въ Лондонъ. Нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто разговаривалъ въ этотъ лѣтній вечеръ, уже нѣтъ на свѣтѣ, чтобы разговаривать или слушать. Тѣ, которые были молоды тогда, добрались до вершины горы и спускаются уже къ долинамъ тѣней.

— Ахъ! сказалъ старый маіоръ Пендennisъ, потрянувъ своими тѣмнорусыми кудрями, когда докторъ уѣхалъ: — вы видѣли, моя добрая душа, когда я заговорилъ о его *confère*, какъ угрюмъ вдругъ сдѣлался Гуденофъ? Они не любятъ другъ друга, моя милая. Двое человѣкъ одной профессіи никогда не сходятся между собою, и кромѣ того, я не сомнѣваюсь, что и другіе товарищи-врачи завидуютъ Фирмину, потому что онъ живётъ въ лучшемъ обществѣ. Это человѣкъ хорошей фамиліи, моя милая. Уже было большое *garrochement*, и если лордъ Рингудъ совершенно съ нимъ примирится, нельзя знать, какое счастье предстоитъ сыну Фирмина.

Хотя, можетъ быть, докторъ Гуденофъ думалъ довольно презрительно о своёмъ собратѣ, но большая часть публики высоко его уважала, особенно въ маленькомъ обществѣ Грей-Фрайярскомъ (*), о которомъ добрый читатель слышалъ въ прежнихъ сочиненіяхъ настоящаго біографа, докторъ Брандъ Фирминъ былъ очень большимъ фаворитомъ; его принимали тамъ съ большимъ уваженіемъ и почотомъ. Когда воспитанники въ этой школѣ бывали болѣны обыкновенными дѣтскими недугами, ихъ лечилъ школьный аптекаръ мистеръ Спратъ, и простыми, хотя противными для вкуса лекарствами, бывшими въ употребленіи въ то время, почти всегда успѣвалъ возвращать здоровье своимъ юнымъ паціентамъ. Но если молодой лордъ Эгамъ (сынъ маркиза Эскота, какъ, вѣроятно, извѣстно моему почтенному читателю) дѣлался нездоровъ, а это часто случалось по милости большого изобилія карманныхъ денегъ и неблагоприятнаго пристрастія къ кондиторскимъ произведеніямъ, или если въ школѣ случалась какая-нибудь опасная болѣзнь, тогда тотчасъ посылали за знаменитымъ докторомъ Фирминомъ; и ужь вѣрно болѣзнь была опасна, если онъ не могъ

(*) Школа, гдѣ прежде былъ монастырь Картезіанцевъ. *Прим. перев.*

вылечить её. Докторъ Фирминъ былъ школьнымъ товарищемъ и остался истиннымъ другомъ директора этой школы. Когда у молодого лорда Эгана, уже упомянутого (онъ былъ у насъ единственнымъ лордомъ и поэтому мы нѣсколько гордились нашимъ возлюбленнымъ кнпшей и берегли его) сдѣлалась рожь, отъ которой голова его раздулась какъ тыква, докторъ вылечилъ его отъ этой болѣзни, и первый воспитанникъ сказалъ ему привѣтствіе въ своей латинской рѣчи на публичномъ актѣ въ школѣ, о его необыкновенныхъ познаніяхъ и о его божественномъ удовольствіи *salutem hominibus dando* (возвращать людямъ здоровье). Директоръ обратился къ доктору Фирмину и поклонился; учителя и важные господа начали перешоптываться и глядѣли на него, воспитанники глядѣли на него; докторъ склонилъ свою красивую голову къ своей машишѣ; его скромные глаза не поднимались съ бѣлой, какъ снѣгъ, подкладки шляпы, лежащей на его колѣнахъ. Шопотъ одобренія пробѣжалъ по старинной валѣ, зашумѣли новые мундиры учителей, началось сморканье, когда ораторъ перешолъ къ другой позіи.

Среди всеобщаго энтузіазма только одинъ членъ въ аудиторіи выказалъ презрѣніе и несогласіе. Этотъ джентльмэнъ прощелъ своему товарищу въ началѣ фразы, относившейся къ доктору: «Пустяки!» и прибавилъ, грустно смотря на предметъ всѣхъ этихъ похвалъ:

— Онъ не понимаетъ этой латинской фразы. Впрочемъ, это всё вздоръ!

— Шш, Филъ! сказалъ его другъ; и лицо Филиппа вспыхнуло, когда докторъ Фирминъ, поднявъ глаза, поглядѣлъ на него съ минуту, потому что предметъ всѣхъ этихъ похвалъ былъ ни кто иной, какъ отецъ Филъ.

Болѣзнь, о которой мы говоримъ, давно прошла. Филиппъ уже не былъ школьникомъ, но находился второй годъ въ университетѣ, и вмѣстѣ съ нѣсколькими другими молодыми людьми, бывшими воспитанниками этой школы, явился на ежегодный торжественный обѣдъ. Почести обѣда въ этомъ году принадлежали доктору Фирмину, даже болѣе чѣмъ лорду Эскоту съ его авѣдой и лентой, который вошелъ въ училищную церковь рука-объ-

руку съ докторомъ. Его сіятельство растрогался, когда въ полъобъѣденномъ спичѣ намекнулъ на неоцѣненные услуги и известію его испытаннаго стараго друга, который былъ его товарищемъ въ этихъ стѣнахъ (громкія восклицанія), чья дружба была услугою его жизни — и онъ молился, чтобы эта дружба перешла въ наслѣдство къ ихъ дѣтямъ. (Громкія восклицанія, послѣ которыхъ заговорилъ докторъ Фирминъ).

Спичъ доктора былъ, можетъ статья, довольно обыкновененъ; латинскіе цитаты его были не совсѣмъ новы; но Филю не слѣдовало такъ сердиться или такъ душно вести себя. Онъ прихлебывалъ хересъ, глядѣлъ на своего отца и бормоталъ замѣчанія, вовсе не лестныя для его родителя.

— Посмотрите, говорилъ онъ: — теперь онъ растрогается. Онъ поднесётъ носовой платокъ къ губамъ и покажетъ свой брильянтовый перстень. Я вамъ говорилъ: ужъ это чересчуръ. Я не могу проглотить этого... этого хереса. Уйдемте-ка отсюда покурить куда-нибудь.

Филь всталъ и вышелъ изъ столовой именно въ ту минуту, когда отецъ его увѣрилъ съ какою радостью, съ какою гордостью, съ какимъ восторгомъ думалъ онъ, что дружба, которою его благородный другъ удостоивалъ его, должна была перейти къ ихъ дѣтямъ, и что когда онъ оставитъ этотъ міръ (крики: «нѣтъ, нѣтъ! Дай Богъ вамъ жить тысячу лѣтъ!») ему будетъ радостно думать, что сынъ его всегда найдётъ друга и покровителя въ благородномъ графскомъ домѣ Эскотъ.

Мы нашли экипажи, ожидавшіе насъ у воротъ школы и Філіппъ Фирминъ, толкнувъ меня въ карету его отца, приказалъ лакею ѣхать домой, говоря, что докторъ поротится въ каретѣ лорда Эскота. Мы отправились въ Старую Паррскую улицу, гдѣ много разъ ласково принимали меня, когда я былъ мальчикомъ. И мы удалились въ собственный пріютъ Фила, на задней сторонѣ огромнаго дома, вурли сигары и разговаривали объ училищной годовщинѣ и о произнесённыхъ рѣчахъ, и о бывшихъ воспитанникахъ нашего выпуска, и о томъ, какъ Томсонъ женился, а Джонсонъ поступилъ въ армію, а Джэксонъ (не рышій Джэксонъ съ глазами какъ у свиньи), а другой, былъ первымъ

на экзаменѣ, и такъ далѣе. Мы весело занимались этой болтовней, когда отецъ Филъ растворилъ настежь высокую дверь кабинета.

— Вотъ и отецъ! ваворчалъ Филъ. — Что ему нужно? прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

«Отецъ», когда я взглянулъ на него, былъ не весьма пріятнымъ предметомъ для зрѣлища. У доктора Фирмина были очень бѣлые фальшивые зубы, которые, можетъ статься, были нѣскольکو велики для его рта, и зубы эти какъ-то свирѣпо оскалились при газовомъ свѣтѣ. На щекахъ его были черныя бивенбарды, а надъ сверкающими глазами свирѣпыя черныя брови; а плѣшивая голова лоснилась какъ бильярдный шаръ. Вы едва узнали бы въ немъ оригиналъ того меланхолически-философическаго портрета, которымъ всѣ пациенты восхищались въ пріемной доктора.

— Я узналъ, Филиппъ, что ты взялъ мою карету, сказалъ отецъ:—и мы съ лордомъ Эскотомъ должны были идти пѣшкомъ до извозчика.

— Развѣ у него не было кареты? Я думалъ, что, разумѣется, у него будетъ свой экипажъ въ такой праздничный день и что вы пріѣдете домой съ лордомъ, сказалъ Филиппъ.

— Я обѣщалъ завести его домой, сэръ, скавалъ отецъ.

— Если такъ, сэръ, мнѣ очень жаль, коротко отвѣчалъ сынъ.

— Жаль! закричалъ отецъ.

— Я не могу сказать ничего болѣе, сэръ, и мнѣ очень жаль, отвѣчалъ Филъ и стряхнулъ въ каминъ пепелъ съ своей сигары.

Посторонній въ домѣ не зналъ какъ глядѣть на хозяина и его сына. Между ними очевидно происходила какал-нибудь ужасная ссора. Старикъ глядѣлъ сверкающими глазами на юношу, который спокойно смотрѣлъ въ лицо отцу. Злая ярость и ненависть сверкали изъ глазъ доктора, потомъ онъ бросилъ на гостя взглядъ дикой жалобной мольбы, который было очень трудно вынести. Среди какой мрачной семейной тайны находился я? Что значилъ исполненный ужаса гнѣвъ отца и презрѣніе сына?

— Я — я обращаюсь къ вамъ, Пенденписъ, сказалъ докторъ, задыхаясь и блѣдный какъ смерть.

— Начать намъ ab ovo, сэръ? сказалъ Филъ?

Опять выраженіе ужаса пробѣжало по лицу отца.

— Я... я обещаю завести домой одного изъ первѣйшихъ вельможъ въ Англіи, задыхаясь проговорилъ докторъ: — съ публичнаго обѣда въ моей каретѣ; а мой сынъ берётъ её и заставляетъ меня и лорда Эскота идти пѣшкомъ! Хорошо ли это, Пенденнисъ? Такъ ли долженъ поступать джентльменъ съ джентльменомъ, сынъ съ отцомъ?

— Нѣтъ, сэръ, сказалъ я серьёзно: — это непростительно.

Я дѣйствительно былъ оскорбленъ ожесточеніемъ и неповиновеніемъ молодого человѣка.

— Я сказалъ вамъ, что это была ошибка! закричалъ Филь покраснѣвъ: — я слышалъ какъ лордъ Эскотъ приказывалъ подать свою карету; я не сомнѣвался, что онъ отвезётъ отца моего домой. Ѣхать въ каретѣ съ лакеемъ на запяткахъ вовсе для меня не весело; я гораздо болѣе предпочитаю извозчика и сигару. Это была ошибка, я жалѣю объ этомъ — вотъ! Проживи я сто лѣтъ, я не могу сказать ничего больше.

— Если тебѣ жалъ, Филиппъ, застоналъ отецъ: — этого дозволено. Помните, Пенденнисъ, когда... когда мой сынъ и я не были на такой... на такой погѣ...

Онъ взглянулъ на портретъ, висѣвшій надъ головою Фила — портретъ матери Фила, той самой леди, о которой моя мать говорила въ тотъ вечеръ когда мы разговаривали о болѣзни мальчика. Обѣихъ дамъ уже не было теперь на свѣтѣ и образъ ихъ остался только нарисованной тѣнью на стѣнѣ.

Отецъ принялъ извиненіе, хотя сынъ вовсе не извинялся. Я взглянулъ на лицо старшаго Фирмина, на характеръ, написанный на нёмъ. Я вспомнилъ такія подробности его исторіи, какія были рассказаны мнѣ, и очень хорошо припоминалъ то чувство недовѣрія и отвращенія, которое пробѣжало въ душѣ моей, когда я въ первый разъ увидалъ красивое лицо доктора нѣсколько лѣтъ назадъ, когда дядя мой въ первый разъ отвѣзъ меня къ доктору въ Старую Паррскую улицу; маленькій Филь былъ тогда бѣлокурый, хорошенькимъ ребѣнкомъ, который только-что надѣлъ первые панталончики, а я былъ въ пятомъ классѣ въ школѣ.

Отецъ мой и докторъ Фирминъ были членами медицинской профессіи; они воспитывались въ той самой школѣ, куда родители посылали своихъ сыновей изъ поколѣнія въ поколѣніе, и вѣдолго до того, какъ узнали, наконецъ, что это мѣсто было невдородно. Кажется, во время чумы тамъ много было покоронено людей. Но еслибы эта школа находилась и въ самомъ живописномъ англійскомъ болотѣ, общее здоровье мальчиковъ не могло бы быть лучше. Мы, мальчики, только слышали всегда объ эпидеміяхъ, случавшихся въ другихъ школахъ, и почти жалѣли, зачѣмъ онѣ не переходятъ къ намъ, чтобы мы могли запереться и подольше погулять. Даже болѣзнь, которая впоследствии случилась съ Филемъ Фирминомъ, не перешла ни къ кому другому—все мальчики по счастью уѣхали домой на праздники въ тотъ самый день, когда вѣнчались обѣдней Филъ; но объ этой болѣзни мы скажемъ болѣе впоследствии. Когда рѣшили, что маленький Филъ Фирминъ будетъ отдавъ въ эту школу, отецъ Фила вспоминалъ, что у майора Пенденниса, котораго онъ встрѣчалъ въ свѣтѣ и въ обществѣ, былъ тамъ племянникъ, который могъ заботиться мальчика, и майоръ отвѣвъ своего племянника къ доктору и къ мистриссъ Фирминъ въ одно воскресенье послѣ обѣда, и мы вавтракали въ Старой Паррской улицѣ, а потомъ маленький Филъ былъ представленъ мнѣ, и я общалъ вѣять его подѣ своею покровительствомъ. Это былъ простой безвыскусственный ребенокъ, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о достоинствахъ воспитанника пятаго класса; онъ безъ всякаго страха говорилъ со мною и съ другими и оставался такимъ всегда. Онъ спросилъ моего дядю: отчего у него такіе странные волосы? Онъ свободно бралъ лакомство за столомъ. Я помню, что разъ или два онъ ударилъ меня своимъ кулачкомъ, и эта вольность сначала поразила меня изумленіемъ, а потомъ мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ смѣшно, что я громко расхохотался. Видите, это было все равно, какъ еслибы какой-нибудь иностранецъ толкнулъ папу въ бокъ и называлъ его «старикашкой», или еслибы Джэкъ *) дернулъ за носъ великана, или еслибы прапорщикъ пригласилъ герцога Вал-

(*) Герой дѣтской повѣсти подѣ названіемъ: *Джэкъ, убійца великановъ.*
Прим. переводч.